

Е.В. РЕУТОВ, М.Н. РЕУТОВА, И.В. ШАВЫРИНА

РЕЦИПРОКНОСТЬ В СЕТЯХ ВЗАИМОПОМОЩИ (на материалах регионального исследования)

РЕУТОВ Евгений Викторович – кандидат социологических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета (reutovevg@mail.ru); РЕУТОВА Марина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент того же университета (reutova@bsu.edu.ru); ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова (shavyrina_77@mail.ru). Все – Белгород, Россия.

Аннотация. В статье на основе результатов авторских эмпирических исследований анализируется роль реципрокности в функционировании в местных сообществах практик взаимопомощи. Под реципрокностью понимается наличие явных и латентных взаимных обязательств участников социальных взаимодействий. В условиях ослабления институциональных связей и социальной атомизации особую роль приобретают сети взаимопомощи, образованные по близкородственному и дружескому признакам. Результаты исследования показали, что наиболее высокой степенью интенсивности характеризуется взаимообмен ресурсами между родителями и взрослыми детьми. Большинство участников таких обменов не рассчитывает на эквивалентный объем ответных услуг, а сами эти взаимодействия имеют характер обобщенной реципрокности. По мере продвижения в сторону «слабых» связей (с соседями, коллегами по работе, знакомыми) доминирует установка на сбалансированную реципрокность: получая помощь, большинство их участников рассчитывает на эквивалентную отдачу. В отношениях с друзьями она уравновешивается эмоционально-ценностными и экзистенциальными мотивами. Реципрокность является системообразующим принципом в различных типах сетей взаимопомощи. В родственных контактах она имеет латентный характер; в остальных сбалансированный характер ресурсных обменов является условием их стабильного функционирования.

Ключевые слова: взаимопомощь • сети взаимопомощи • адаптация • реципрокность • трансфер ресурсов

DOI: 10.31857/S013216250004283-4

Представляется очевидным, что в процессах адаптации подавляющего большинства россиян к социальным изменениям ключевую роль играют не публично-правовые институты, позволяющие организовать общественный дискурс и акцентировать его на необходимости институциональных изменений и политических реформ, но, прежде всего, приватные механизмы, максимально дистанцированные от государства. Основной проблемой, поднимаемой в статье, является выявление факторов самоорганизации граждан внутри локальных общностей и устойчивости воспроизводства такого элемента социального пространства российского общества, как сети взаимопомощи.

Сети социальной взаимопомощи как адаптационный механизм. Социальные сети¹ представляют собой совокупность социальных связей и контактов неформального характера, выполняющих по отношению к их участникам коммуникативную, информационную,

Выполнено при поддержке РФФИ, грант № 17-03-00196.

¹Сети социальной взаимопомощи, именуемые по тексту для краткости местами просто социальными сетями, не следует путать с социальными сетями иной ориентации: виртуальными сетями на основе социальных платформ (Facebook, ВКонтакте и им подобные), сетями для политической мобилизации на протестные акции, и иными.

дистрибутивную функции. Такие социальные сети являются формой социальной организации, во многом альтернативной формальной институциональной структуре, представленной государственными и муниципальными органами, учреждениями, корпорациями и другими формальными институциями. Они способны действовать на микроуровне, где не функционирует формально-институциональная структура².

В отличие от традиционных структур микроуровня социума (малых групп и организаций) сеть, по Б. Латуру, обладает набором обязательных признаков, каждый из которых необходимо воспринимать в связи с остальными: а) эмпирически прослеживаемой взаимосвязью между участниками, б) «пустотой» между «узлами» сети – то есть вне пределов непосредственных контактов (иными словами, плотность связей в сети крайне неравномерна), в) постоянными усилиями, предпринимаемыми участниками для воспроизводства социальных отношений. При этом сеть – это только «след, оставляемый движущимся агентом», то есть крайне изменчивое и непостоянное явление [Латур, 2014: 185]. Принадлежность к сетям становится более квалифицирующим признаком для индивида, нежели членство в формальных структурах или даже макрогрупповая идентичность. М. Кастельс отмечает, что сети представляют собой новую модель структурности, отличную от институтов и групп, но и не редуцируемую к агентности. Основой этой структуры становятся интеракции [Castells, 2000].

И все же было бы неправомерно жестко противопоставлять сетевые механизмы организации общества институциональным. И. Штейнберг отмечает, что сети взаимопомощи обладают рядом признаков, позволяющих их рассматривать в институциональном аспекте: 1) наличие потребности в организации совместной деятельности людей для достижения их собственных целей, а также целей и функций всего объединения; 2) устойчивая система социальных связей между элементами сети и организационной структуры, интегрирующей эти элементы в определенную форму отношений, закрепленных в виде социальных ролей и статусов; 3) наличие у акторов определенного набора материальных и моральных ресурсов, социального капитала, которыми они обмениваются, традиций и ритуалов поведения [Штейнберг, 2010: 47].

В отличие от государственных и муниципальных служб и от обычных общественных и политических организаций, сети взаимопомощи как продукт самоорганизации не пересекаются с институтом политической власти, не скваны необходимостью имитировать и рекламировать общественную пользу от своей деятельности или навязывать свои услуги окружающим. Они формируются в глубинах общества на уровне первичных социальных групп. Цель статьи заключается в эмпирической верификации значимости принципа реципрокности (о нем пойдет речь ниже) для воспроизводства таких сетевых образований, функционирования практик взаимопомощи и, в целом, устойчивости местных и локальных сообществ.

Методология исследования. Эмпирической базой статьи послужили результаты массового анкетного опроса, проведенного в Белгородской области в октябре–ноябре 2017 г. ($N = 1000$, метод личного анкетирования) по региональной репрезентативной выборке, сбалансированной по полу, возрасту и поселенческому статусу респондентов. В ряде случаев данные сопоставлялись с результатами анкетных опросов 2010 г. ($N = 996$, период проведения: апрель–май) и 2015 г. ($N = 1002$, период проведения: ноябрь–декабрь). Возможность такого сопоставления была обусловлена использованием одинаковых процедур осуществления выборки и частичным сохранением опросного инструментария. В каждом случае выборочная совокупность формировалась с учетом удельного веса каждой квоты в структуре населения региона, рассчитанного по данным статистики. По поселенческому признаку были выделены три группы: городские жители, проживающие в городах с

²Французские исследователи в середине 1980-х гг. изучали проявления кризиса государства и его структур и при этом обратили внимание на атомизацию, автономизацию индивидов, на ослабление их отношений к государством и его институтами. Ив Барель пишет о политической пустоте, рассуждая о слабости государства, его институтов и акторов, посредничающих между центральной политической элитой и массами (см.: [Barel, 1983]).

населением свыше 100 тыс. человек, городские жители, проживающие в городах с населением менее 100 тыс. человек и поселках городского типа, сельские жители. Затем в составе каждой из этих групп выделялись четыре возрастные категории: 18–29 лет, 30–39 лет, 40–59 лет, 60 лет и старше. И на заключительном этапе квотирования каждая из территориально-возрастных групп была разделена по гендерному признаку. Непосредственно отбор респондентов осуществлялся анкетерами на основе квотного задания с последующим ремонтом выборки в случае перебора или недобора представителей конкретных квот.

Роль реципрокности в воспроизводстве сетей взаимопомощи. Данные, полученные нами в период с 2010 по 2017 г., свидетельствуют об укреплении индивидуалистических установок в массовом сознании, касающихся стратегий и практик социальной адаптации. Декларация об уповании только на собственные силы и ресурсы в трудной жизненной ситуации является в настоящее время модальной и даже доминирующей для граждан и означает, по большому счету, крах солидаристских деклараций политического руководства различных уровней, которые периодически возникают в политическом дискурсе [Реутов, 2017: 114–115]. Только на самого себя в трудных жизненных ситуациях предпочитают рассчитывать 83,3% опрошенных. В 2010 г. эта доля составляла 58,8%. Население не воспринимает российское государство как социальное, не питает иллюзий насчет его готовности позаботиться о своих гражданах. Доля тех, кто рассчитывает на помощь государственных (муниципальных) органов, остается стабильно низкой (3,7%). Однако этот процесс происходит на фоне традиционно сильных патерналистских ценностей. По замерам Левада-Центра (мониторинг 2001–2018 гг., метод личного интервью), запрос на патернализм и на широкую поддержку со стороны государства в сознании россиян остается ярко выраженным и даже усиливается в состоянии социально-экономической неопределенности. В 2018 г. 62% опрошенных согласились с тем, что государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни (в 2017 г. – 52%)³. Таким образом, утверждение индивидуализма в качестве основы дескриптивных жизненных практик совершается на фоне сохранения сильных патерналистских ценностей, традиционных для России, где сильно централизованное государство господствовало над *communitas*. Наложение этих двух тенденций порождает в сознании людей глубокий социальный диссонанс. Безусловно, рост индивидуалистических установок, помимо разочарования в государстве, подпитывается выросшей у части россиян уверенностью в своих силах и возможностях повлиять на жизненную ситуацию.

Рост декларируемых индивидуалистических установок сочетается с увеличением значимости семейно-родственной взаимопомощи. На помощь членов семьи, родственников рассчитывают 79,4% респондентов (74,7% в 2010 г.) (см. табл. 1). Взаимоисключаемость подобных установок на самом деле является кажущейся. Сочетание индивидуалистических и семейно-родственных ориентаций нужно рассматривать, во-первых, с точки зрения приоритетов. Оба этих источника помощи практически одинаково значимы для жителей региона, но расчет на свои собственные силы буквально на глазах становится фундаментальным основанием жизненных стратегий. И, во-вторых, это сочетание является критерияльным для определения доминирующей социальной идентичности и характера социальной дистанции. Если семья и родственники, а также друзья и знакомые (на помощь которых рассчитывают 50,4% опрошенных) для подавляющего большинства россиян – это «свои», с которыми легко идентифицироваться, то все остальные – по большому счету – «чужие». Удельный вес респондентов, рассчитывающих на помощь соседей и коллег по работе, за последние годы заметно снизился [Реутов и др., 2011: 82; Реутов и др., 2017]. На помощь коллег по работе рассчитывают всего лишь 4,4%, соседей – 2,2% опрошенных. Критически низок уровень ожиданий поддержки от руководства организаций (1,7%), что является симптомом неблагополучия внутриорганизмационных отношений в целом.

³Граждане и государство. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/23/grazhdane-i-gosudarstvo-2/> (дата обращения: 24.08.2018).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Если вы оказались в трудной ситуации, на чью помощь вы в первую очередь рассчитываете?»
(в % от общего числа опрошенных, закрытый вопрос)

Варианты ответов	Годы		
	2010	2015	2017
Только на самого себя	58,8	62,7	83,3
Членов семьи, родственников	74,7	68,4	79,4
Друзей, знакомых	51,2	43,3	50,4
Коллег по работе	12,3	8,2	4,4
Государственных и муниципальных органов	4,5	4,7	3,7
Соседей	11,8	6,7	2,2
Общественных организаций	1,5	2,9	1,8
Руководства организации, в которой работают	4,7	2,1	1,7
Религиозной общины, землячества	1,2	1,0	1,3
Затрудняюсь ответить	2,5	0,8	0,6

Полученные данные позволяют отметить усиление тенденций к «атомизации» регионального (и российского) социума и однозначного приоритета «сильных» связей⁴ в адаптационном функционале социальных сетей. Косвенным подтверждением доминирования коротких радиусов социального взаимодействия и ответственности в России в целом являются результаты проводимого Левада-Центром мониторинга субъективно воспринимаемой зоны личной ответственности и влияния. Если ответственность за то, что происходит в семье, ощущают 91% респондентов (из них «в полной мере» – 63%), то применительно к ситуации на работе – 41% («в полной мере» – 16%), в доме, во дворе – 36% («в полной мере» – 13%), в городе, районе – 14% («в полной мере» – 5%), в стране – 9% («в полной мере» – 4%) (данные 2017 г., метод личного интервью)⁵.

Анализируя процесс образования и функционирования социальных сетей, а также сопоставляя участие в них с принадлежностью к формальным институтам (от государства до корпораций), следует обратить внимание на принципиальный момент. Сколько-нибудь устойчивые сетевые интеракции не могут осуществляться вне разделяемого их акторами принципа целесообразности и субъективной выгоды включенности в них.

Практически все последователи сетевой теории в качестве ключевого механизма формирования и воспроизводства относительно прочных и устойчивых сетей взаимопомощи рассматривают *реципрокность*. С.Ю. Барсукова анализирует реципрокность с точки зрения передвижения материальных благ между домохозяйствами в виде даров и основного перераспределительного механизма сообщества [Барсукова, 2004]. Вместе с тем реципрокность не является аналогом эквивалентности ресурсов, подлежащих обмену. Для значительного числа интеракций (между друзьями и родственниками) характерно стремление участников к элиминированию «рыночных» мотивов.

Под реципрокностью в настоящем исследовании понимается принцип межличностных и социальных отношений, предполагающий наличие явных и латентных взаимных обязательств их участников. В большей части научных источников реципрокность отмечается

⁴ Понятия «сильных» и «слабых» связей ввел в теорию социальных сетей М. Грановеттер. Он отнес к «сильным» тесные связи между близкими родственниками и хорошо знакомыми людьми (родственные и дружественные связи), а связи между соседями, простыми знакомыми, коллегами по службе и т.д. отнес к «слабым» (*weak ties*) [Granovetter, 1973].

⁵ Ответственность и влияние. URL: <https://www.levada.ru/2017/11/13/17013/> (дата обращения: 20.08.2018).

в качестве атрибута «горизонтальных», то есть не связанных с доминированием и подчинением сторон (политическая и корпоративная власть и др.) отношений. В условиях дисбаланса ресурсов и возможностей сторон реципрокность отходит на второй план, хотя и не «отменяется» полностью. Однако чем выше потенциальная заинтересованность сторон, тем более востребована реципрокность, которая из абстрактного принципа приобретает характер нормы.

Рассмотрим две близкие по форме классификации отношений реципрокности. В классификации Салинса, проводимой в зависимости от объема взаимных обязательств, выделяются три формы реципрокности: *обобщенная, сбалансированная и негативная*. Обобщенная реципрокность возможна в близких отношениях, при которых один актер, давая что-либо другому, не ждет обязательных ответных действий. Однако в данном случае «донором» предполагается ответная реакция в виде психоэмоциональной отдачи или явно или латентно декларируемой уверенности в прочности отношений. Сбалансированная реципрокность основана на обмене ресурсами приблизительно равной ценности. Негативная реципрокность характерна для отношений, направленных на получение каких-либо благ без намерения ответных действий. То есть это уже некое пограничное состояние отношений, в строгом смысле слова выходящее за пределы реципрокности [Sahlins, 1999].

При классификации Штегбауэра, основанной на характере ожиданий контрагентов, выделяются четыре формы реципрокности: 1) *прямая («чистая»)* – отношения, основанные на принципе эквивалентного обмена; 2) *обобщенная* – услуга, которая оказывается без надежды на прямую компенсацию; 3) *реципрокность статусно-ролевых отношений*, при которых каждый берет и отдает, в зависимости от выполняемой социальной роли (на пример: врач – больной); 4) *реципрокность социальных ожиданий* – люди знают, чего им ожидать от других, в зависимости от их статусов [Stegbauer, 2002: 31].

Интенсивность и характер обмена: сбалансированная (прямая) и обобщенная реципрокность в практиках взаимопомощи. Анализ полученных в 2017 г. данных показал, что в региональном сообществе (а с некоторыми оговорками этот тезис можно экстраполировать и на все российское общество) фамилистические, приватные механизмы социальной адаптации устойчиво превалируют над публично-институциональными. Взаимопомощь в пределах «сильных» связей является социальной нормой или, по крайней мере, декларируется в качестве таковой: 80,6% опрошенных считают, что необходимость помогать родственникам и знакомым является «нормой отношений между людьми», 16% допускают оказание помощи, если их об этом попросят, и лишь 2,1% считают, что каждый должен решать свои проблемы сам, поскольку «такая помощь лишь расслабляет и поощряет к иждивенчеству». Для сравнения: инициативную помощь незнакомым людям признают нормой 26,8% опрошенных, еще 51,7% считают ее возможной в случае соответствующей просьбы, а 13,8% респондентов являются противниками такой помощи.

Семья и родственники, а также друзья являются ключевым источником ресурсов (кроме заработной платы и социальных выплат), необходимых для экономической и социальной устойчивости домохозяйств. Распределение ответов на вопрос «Если вы оказались в трудной ситуации, на чью помощь вы в первую очередь рассчитываете?» (можно было дать не более трех вариантов ответа), свидетельствует о наличии достаточно узкого круга лиц, на которых респонденты безусловно могут рассчитывать: на самого себя (83,3%), членов семьи, родственников (79,4%), друзей и знакомых (50,4%). Напротив, на помощь коллег по работе рассчитывают лишь 4,4% опрошенных, соседей – 2,2%, государственных органов (учреждений) – 3,7%.

В нашем исследовании в качестве основных источников и адресатов адаптационных ресурсов фигурировали: родители, взрослые дети, другие родственники (семейно-родственный кластер), друзья, соседи, коллеги по работе (учебе), знакомые. Среди параметров функционирования практик взаимопомощи были выделены два ведущих – вовлеченность и интенсивность. Вовлеченность характеризует долю респондентов – участников соответствующих практик; интенсивность – частоту обменов ресурсами. Следует также

отметить, что вовлеченность в практики взаимопомощи была также детализирована по направленности трансфера ресурсов – получение/оказание помощи.

Наибольшим охватом характеризуются практики взаимопомощи, функционирующие на основе дружеских отношений: 87,7% опрошенных указали, что за последний год или два оказывали помощь своим друзьям, а 81,8% – что получали помощь от своих друзей. На втором месте по степени вовлеченности находятся сразу две группы практик взаимопомощи: 1) источником и адресатом помощи в которых являются родители, и 2) образованные на основе иных родственных связей. Так, 82,5% респондентов за последний год или два помогли своим родителям, и 77,1% получали от них какую-либо помощь. В отношениях с родственниками соответствующие доли составили 81,5 и 78,1%.

Уровень вовлеченности в практики взаимопомощи с коллегами по работе (учебе) по направлению оказания помощи составил 75,2%, получения помощи – 67%. Затем следуют практики взаимопомощи, функционирующие на основе знакомства: 70,3% опрошенных оказывали помощь своим знакомым, 59,8% – получали ее. Практиками взаимопомощи в соседских сетях были охвачены по линии оказания помощи 61,3%, получения – 52,3%. Наименьшим охватом характеризуются практики взаимопомощи, второй стороной которых являются взрослые дети – прежде всего, по причине относительной немногочисленности соответствующей группы респондентов.

Приведенные данные показывают интересную особенность субъективного восприятия ресурсных обменов. Во всех этих случаях респонденты отмечают, что дают они больше, чем получают. И эта особенность фиксируется нами не впервые. В исследовании 2011 г. все выглядело абсолютно так же [Реутов и др., 2011: 140–174]. Таким образом, большинство участников сетевых обменов считает необходимым подчеркнуть собственную значимость (даже незаменимость) в сетях взаимопомощи, в которые они вовлечены.

При этом разница тем больше, чем «слабее» связи. Если в контактах со взрослыми детьми на оказание помощи им указывают 53,9% респондентов, а на получение помощи от них – 52,1% (практически – паритет), то в отношениях со знакомыми эти доли составляют 70,3 и 59,8% соответственно (рис.).

На первый взгляд, именно в отношениях, которым респонденты склонны придавать большее значение (и в силу объективной значимости их ресурсного потенциала, и в силу социокультурных предписаний), более тщательно фиксируется соблюдение принципа

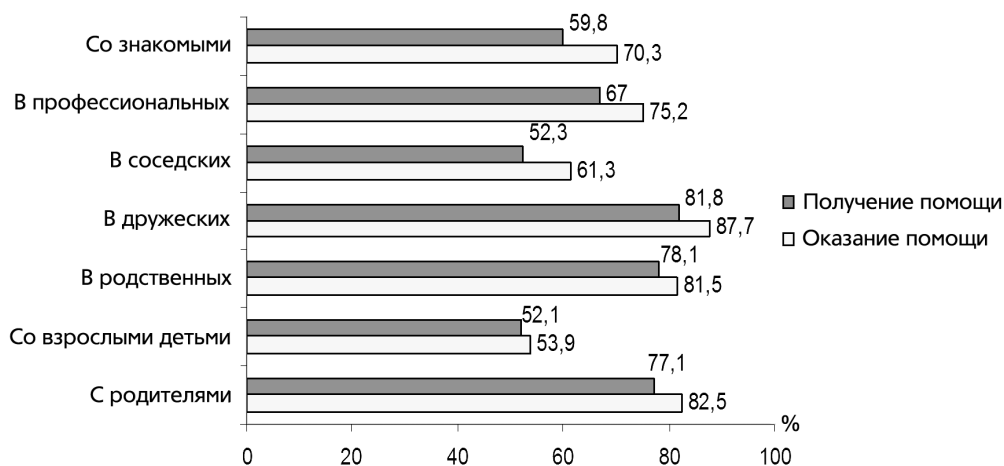

Рис. Участие в сетях взаимопомощи («Приходилось ли вам за последний год или два оказывать помощь различного рода указанным ниже лицам?»), % от общего числа опрошенных, имеющих соответствующие связи (закрытый вопрос)

реципрокности. Однако исключение из процесса анализа респондентов, не имеющих родителей или взрослых детей, а также использование параметра интенсивности дает совершенно иную иерархию социальных сетей взаимопомощи. По мере концентрации инструментария на особенностях ресурсных обменов выясняется также, что их реципрокность далека от рыночной рациональности. Оказывается, что наиболее интенсивный обмен ресурсами характерен для общения со взрослыми детьми. О том, что раз в неделю и чаще оказывают им помощь, заявили 61,5% респондентов, имеющие взрослых детей, и получают помощь от них – 35,3%. На втором месте по интенсивности ресурсных обменов оказались родители: 57,2% оказывали им помощь раз в неделю и чаще, 37,3% – получали. Все остальные векторы источников и адресатов ресурсных обменов существенно уступают по интенсивности указанным. Так, интенсивная помощь друзьям практиковалась 27,2% респондентов, получение помощи от них – 18,2%; коллегам по работе (учебе) – 26,2 и 18,2% соответственно; родственникам – 17,6 и 9,5%; знакомым – 10,7 и 6,4%; соседям – 8,3 и 4,9%.

Только относительно взрослых детей и родителей оказание помощи получило модальное значение: «чаще, чем раз в неделю»: 40% в отношении первых и 37,6% в отношении вторых. Применительно ко всем остальным адресатам модальное значение частоты оказания помощи было – «несколько раз в год»: другим родственникам несколько раз в год оказывали помощь 41,8% опрошенных, соседям – 40,7%, знакомым – 40,2%, друзьям – 34,6%, коллегам – 30,7%. Модальная частота получения помощи «чаще, чем раз в неделю» не была зафиксирована ни по одному из типов контрагентов. Даже в отношении родителей и взрослых детей в качестве модальных доминируют значения «раз в месяц» (25,6 и 26,9% соответственно) и «несколько раз в год» (26,9 и 24,9%).

Разброс в долях респондентов – доноров и реципиентов помощи раз в неделю и чаще варьирует от 3,4 п.п. (в отношении соседей) до 26,2 п.п. (в отношении взрослых детей). Таким образом, величина разрыва между долями респондентов, предоставляющих и получающих помощь с высокой частотой и регулярностью, определяется или является индикатором силы связи – наибольшая субъективная неравномерность наблюдается в интенсивности оказания и получения помощи взрослым детям и родителям.

То есть, если рассуждать предельно рациональными категориями, эта помощь либо оказывается авансом, либо является своего рода отсроченным платежом. Однако дальнейший анализ данных настоящего исследования показал, что субъективно практики взаимопомощи в рамках семейно-родственных сетей строятся по большей части без явного учета взаимности обязательств (по К. Штегбауэру – в рамках обобщенной реципрокности): оказывая помощь родителям или взрослым детям, респонденты в основном не задумываются (или не признают в этом) о возможности получения ответной услуги в ближайшем или отдаленном будущем – на это указали 70,3 и 71% опрошенных соответственно. Сторонников сбалансированной реципрокности намного меньше – среди тех, кто помогает родителям, на такой же объем помощи рассчитывают 14,9%, взрослым детям – 8,6%. Значительная доля респондентов (14,9%), осуществляющих ресурсные трансферы взрослым детям, надеется на ответную реакцию, но в меньшем объеме. Таким образом, отношения со взрослыми детьми характеризуются наиболее высоким уровнем заявленного альтруизма.

В большей степени, но также весьма умеренно, сбалансированная (прямая) реципрокность свойственна ситуациям оказания помощи другим родственникам. Но и здесь 59,3% опрошенных не рассчитывают на ответные трансферы (получить эквивалентный объем ресурсов надеются 23,9%).

Во всех остальных случаях реципрокные ожидания выше, но не радикально. При этом нельзя сказать, что сбалансированной реципрокностью характеризуются только ожидания в пределах «сильных» связей. Так, наиболее выраженный характер они имеют применительно к отношениям с коллегами по работе (учебе): 37% опрошенных рассчитывают на ответную помощь в том же объеме и 3,5% надеются получить больше. Однако и в дружеских отношениях 36,2% хотят получить эквивалент отданному, и 3% рассчитывают на большее (табл. 2).

Таблица 2

**Оказывая какую-либо помощь перечисленным ниже людям,
в какой мере вы рассчитываете на взаимность?**

(% от числа опрошенных, являющихся участниками обозначенных сетей взаимопомощи, закрытый вопрос)

Обращение за помощью	Рассчитываю получить больше	Рассчитываю получить столько же	Рассчитываю получить меньше	Вообще не думаю об этом	Затрудняюсь ответить
К родителям	8,7	14,9	4,6	70,3	0,6
Ко взрослым детям	5,3	8,6	14,9	71,0	2,6
К другим родственникам	3,1	23,9	8,2	59,3	5,4
К друзьям	3,0	36,2	6,3	49,5	5,0
К соседям	3,1	31,3	6,3	47,6	11,8
К коллегам по работе и учебе	3,5	37,0	6,8	43,6	8,9
К знакомым	4,9	27,7	7,4	46,7	13,2

Ситуация кардинально меняется, когда речь заходит об установках респондентов в ситуации получения помощи. И здесь уже взаимные обязательства приобретают характер модальной установки. В отношении родителей и взрослых детей эти обязательства приобретают повышенный уровень, в отношении прочих контрагентов – имеют характер прямой реципрокности. Отсутствие у себя обязательств по оказанию ответной услуги демонстрирует лишь небольшая часть респондентов – от 4,6% в отношении родителей до 11,8% в отношении знакомых. При этом параллельно увеличению «силы» связей растет доля тех, кто считает необходимым для себя оказать ответную услугу в большем объеме (от 8,3% в отношении знакомых до 76,9% в отношении родителей) (табл. 3).

Таким образом, если в ситуации оказания помощи между «силой» связей и установкой на реципрокность не было жесткой и линейно выраженной зависимости, то при получении помощи такая зависимость уже появляется. Во-первых, по мере усиления связи растет выраженность установки на обязательства. Так, оказание ответной помощи родителям является обязательной с точки зрения 91,4% опрошенных, взрослым детям – 88,5%, другим родственникам – 83,7%, друзьям – 81,6%, соседям – 70,9%, коллегам – 75,6%, знакомым – 70%. Во-вторых, по мере усиления связи повышается уровень альтруизма, выраженный в принятии на себя повышенных обязательств (табл. 3): 76,9% считают необходимым помогать родителям в большем объеме, нежели родители им, а в отношении знакомых

Таблица 3

**Принимая какую-либо помощь перечисленных ниже людей,
в какой мере вы считаете себя обязанными оказать ответную помощь (услугу)?**

(% от числа опрошенных, являющихся участниками обозначенных сетей взаимопомощи, закрытый вопрос)

	Обязан помочь больше	Обязан оказать равноценную помощь (услугу)	Могу помочь в меньшем объеме (меньше)	Не обязан оказывать ответную помощь	Затрудняюсь ответить
Родителей	76,9	13,2	4,6	4,6	4,0
Взрослых детей	58,1	26,8	3,6	5,0	6,5
Других родственников	23,5	52,8	7,4	6,2	10,1
Друзей	19,7	57,4	8,8	8,9	9,5
Соседей	8,9	51,5	10,2	10,3	18,8
Коллег по работе и учебе	10,6	54,8	10,2	9,7	14,7
Знакомых	8,3	50,7	10,9	11,8	18,2

такой ответ дали лишь 8,3%. В-третьих, снижается неопределенность в установках – в отношении объема ответной помощи родителям затруднились с ответом 4% опрошенных, знакомых – 18,2%.

Мотивация обмена ресурсами. Углубленный анализ мотивации сетевого обмена ресурсами при прямой и обобщенной реципрокности показал, что по отношению к родителям, детям и другим родственникам наиболее существенную роль играют мотивы эмоционально-ценностного и экзистенциального характера. Главные мотивы помощи родителям: «эти люди мне дороги и я не могу им не помочь» (67,4% опрошенных) и «я не могу оставить их в беде» (56%). Те же самые мотивы доминируют в отношении взрослых детей (60,6 и 52,9% соответственно) и других родственников (43,6 и 42,7%). Мотивация, связанная с расчетом на ответную помощь («помогая, я могу рассчитывать на ответную помощь или поддержку»), находится на третьем месте по значимости: в отношении родителей ей руководствуются 27% респондентов, взрослых детей – 24,8%, других родственников – 25,4%.

Достаточно слабо в «сильных» связях выражен мотив возвращения ранее оказанной услуги. Помогают «потому, что они помогали мне раньше»: родителям – 8,8%, взрослым детям – 2,8%, другим родственникам – 12,5%.

При оказании помощи друзьям на первый план, согласно результатам исследования, выходит принцип взаимности: 40,5% опрошенных заявили, что, оказывая помощь, рассчитывают при этом на ответную поддержку. Сюда же следует отнести и 16% тех, кто, помогая друзьям, благодарит таким образом за ранее оказанную услугу. Эмоционально-ценностная и экзистенциальная мотивация также достаточно выражена, но гораздо слабее в сравнении с семейно-родственными сетями взаимопомощи: о том, что «эти люди мне дороги и я не могу им не помочь», сказали 31,7% респондентов, и «я не могу оставить их в беде» – 38,6% (табл. 4).

В отношении контрагентов в пределах «слабых» связей эмоционально-ценностные и экзистенциальные мотивы еще более элиминируются, а принцип реципрокности приобретает доминирующее значение. В особенной степени это характеризует отношения с коллегами и соседями: 42,4% помогают коллегам, рассчитывая на ответную помощь, и еще 21,7% – оказывая ответную услугу; в отношении помощи соседям аналогичной мотивации придерживаются 41,5 и 27,3%.

Мотивация самоутверждения, ощущения собственной значимости не включается респондентами в число ведущих ни в одном из типов сетей взаимопомощи, равномерно распределена по ним. Это касается и чисто альтруистической мотивации, связанной с само совершенствованием (кроме отношений со взрослыми детьми, в которых она снижена), а также мотивов, связанных с чувством долга и опасением общественного порицания.

Заключение. По результатам проведенного исследования можно констатировать, что «сильные» связи продолжают доминировать в качестве ведущего адаптационного ресурса домохозяйств. Лишь семейно-родственные и дружеские сети признаются подавляющим большинством респондентов в качестве потенциального адресата обращения за помощью в трудных жизненных ситуациях. Здесь нужно сделать оговорку, касающуюся отношений с другими родственниками (кроме родителей и взрослых детей). Если ресурсные обмены с родителями и взрослыми детьми характеризуются очень высокой степенью интенсивности, то соответствующие контакты с другими родственниками существенно уступают в этом отношении дружеским и даже профессиональным сетям взаимопомощи. Ресурсный потенциал родственных сетей (за исключением прямой линии родства) имеет «спящий» характер и ориентирован на экстраординарные случаи.

Ресурсные обмены в рамках «слабых» связей (с соседями, коллегами по работе, знакомыми) также актуальны для большинства (от 50 до 75%) россиян, однако по своей интенсивности и субъективной значимости они значительно уступают близкородственной и дружеской взаимопомощи.

Анализ полученных данных показал, что в ситуации оказания помощи большинство респондентов не рассчитывает на эквивалентный объем ответных услуг, и эта установка

Таблица 4

Чем вы руководствуетесь, помогая нижеперечисленным лицам?
 (% от числа опрошенных, являющихся участниками обозначенных сетей взаимопомощи, закрытый вопрос)

Варианты ответов	Адресаты помощи							
	родители	взрослые дети	другие родственники	друзья	соседи	коллеги по работе (учебе)	знакомые	
Помогаю, я могу рассчитывать на ответную помощь (поддержку)	27,0	24,8	25,4	40,5	41,5	42,4	35,1	
Это позволяет мне самоутвердиться, почувствовать собственную значимость	9,9	8,8	9,5	12,8	11,5	14,6	13,4	
Не могу оставить их в беде	56,0	52,9	42,7	38,6	20,0	14,6	14,0	
Эти люди мне дороги, и я не могу им не помочь	67,4	60,6	43,6	31,7	6,1	4,8	3,4	
Помогаю людям, я сам становлюсь лучше	12,2	5,8	11,5	12,2	17,6	14,6	17,1	
Опасаясь общественного порицания, помогаю ради поддержания имиджа	1,4	1,8	2,1	1,9	5,9	5,3	4,8	
Помогаю из чувства долга	11,8	7,7	10,0	7,6	12,4	11,3	8,3	
Потому что они помогли мне раньше	8,8	2,8	12,5	16,0	27,3	21,7	19,3	
Помогаю, чтобы обрести душевный комфорт	8,8	7,0	6,1	6,2	7,9	7,0	9,9	

тем менее выражена, чем сильнее связь между контрагентами. Так, меньше всего прямая (сбалансированная) реципрокность выражена в ситуации оказания помощи родителям и взрослым детям и более всего – друзьям и коллегам. Напротив, получая помощь от близких родственников, большинство респондентов считает необходимым вернуть ее в большем объеме. В констатации реальных практик взаимопомощи отчетливо просматривается акцентирование респондентами своего большего вклада в отношения с контрагентами – тем большего, чем сильнее связь между ними, причем, не только по формальным признакам статуса, но и по ее интенсивности. Такого рода установки и практики, предполагающие замещение ресурсного компонента взаимодействий эмоциональным, характерны для обобщенной реципрокности. В остальных типах отношений – за пределами близкородственных – доминирует установка на сбалансированную реципрокность – получая помощь, от 50 до 57% респондентов думают об эквивалентной отдаче. В мотивации взаимопомощи установка на сбалансированную реципрокность явно доминирует в таких сетях, как отношения с соседями и коллегами. В отношениях с друзьями она уравновешивается эмоционально-ценностными и экзистенциальными мотивами, которые, в свою очередь, становятся доминирующими в семейно-родственных связях.

Таким образом, принцип реципрокности является системообразующим в различных типах сетей взаимопомощи, а сама реципрокность – социальной нормой. Однако в родственных связях (особенно в близкородственных) она имеет эмоционально-психологическую, ценностную подоплеку и непрерывным образом включает в себя альтруизм и самоотдачу. Во всех остальных сетях взаимопомощи соблюдение некоего баланса в ресурсных обменах является условием их стабильного функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 20–29.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
- Реутов Е.В. Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. С. 111–125.
- Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 79–88.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества: монография. Белгород: БГТУ, 2017.
- Штейнберг И.Е. Парадигма 4 «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40–50.
- Штейнберг И.Е. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 52–57.
- Barel Y. La société du vide. Paris: Seuil, 1983.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Second Edition. Oxford: Blackwell, 2000.
- Granovetter M. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.
- Sahlins M. Zur Soziologie des primitiven Tauschs // Berliner Journal für Soziologie. 1999. Nu. 9. S. 149–178.
- Stegbauer C. Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002.

Статья поступила: 10.09.18. Финальная версия: 03.12.18. Принята к публикации: 14.12.18.

RECIPROCITY IN MUTUAL AID NETWORKS (ON THE DATA OF A REGIONAL STUDY)

REUTOV E.V.*, REUTOVA M.N.*, SHAVYRINA I.V.**

*Belgorod National Research University, Belgorod, Russia; **Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

Evgeniy V. REUTOV, Cand. Sci., (Sociol.), Assoc. Prof., Belgorod National Research University (reutovevg@mail.ru); Marina N. REUTOVA, Cand. Sci., (Sociol.), Assoc. Prof., Belgorod National Research University (reutova@bsu.edu.ru); Irina V. SHAVYRINA, Cand. Sci., (Sociol.), Assoc. Prof., Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (shavyrina_77@mail.ru). All – Belgorod, Russia.

Acknowledgment. The study was funded by RFBR research project No 17-03-00196.

Abstract. The article analyzes the role of the reciprocity principle in the reproduction of social networks and the functioning of mutual assistance practices in local communities based on the results of authors' empirical studies. Reciprocity is considered a principle of interpersonal and social relations, presupposing the existence of explicit and latent mutual obligations among their participants. Empirical diagnostics was centered on parameters of family-related, friendly, neighborly, professional networks of mutual aid as intensity and regularity of functioning, the focus of resource transfers, the nature of mutuality of obligations, motivation for the exchange of resources. The exchange of resources with parents and full-grown children is characterized by the highest degree of intensity. Most participants in such exchanges do not expect an equivalent volume of response services, and these interactions themselves have the character of generalized reciprocity. As we move toward «weak» ties (neighbors, colleagues, acquaintances), the attitude of balanced reciprocity dominates: receiving assistance, 50 to 57% of respondents expect an equivalent return. In the motivation of mutual aid, the attitude to a balanced reciprocity is most clearly expressed in professional and neighboring networks. In relations with friends, it is balanced by emotional-value and existential motives, which are dominant in family-related relationships. The normative significance of the principle of reciprocity and its system-forming character in various types of mutual aid networks is substantiated, and it has been proved that reciprocity in family ties has, first of all, an emotional-psychological and value background, in other networks of mutual aid the balanced nature of resource exchanges is a condition for their stable functioning.

Keywords: mutual aid, networks of mutual aid, adaptation, reciprocity, transfer of resources.

REFERENCES

- Barel Y. (1983) *La société du vide*. Paris: Seuil. (In Fr.)
- Barsukova S.Yu. (2004) Reciprocal interactions. Essence, functions, specificity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 9: 20–29. (In Russ.)
- Castells M. (2000) *The Rise of the Network Society*. Second Edition. Oxford: Blackwell.
- Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. Vol. 78. No. 6: 1360–1380.
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: VShE. (In Russ.)
- Reutov E.V. (2017) Social Solidarity in Public Discourse (Experience of regional Study). *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 3: 111–125. (In Russ.)
- Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N., Boyarinova I.V. (2011) The Effectiveness of Social Networks in the Regional Community. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011. No. 1: 79–88. (In Russ.)
- Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. (2011) Micro-practices of Solidarity in the Social Space of the Local Community: a Monograph. Belgorod: BGТУ. (In Russ.)
- Sahlins M. (1999) Zur Soziologie des primitiven Tauschs. *Berliner Journal für Soziologie*. Nu. 9: 149–178. (In Germ.)
- Shtejnberg I.E. (2004) Psychology of Inequivalent Exchanges in Networks of Social Support for Urban and Rural Families. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 6(74): 52–57. (In Russ.)
- Shtejnberg I.E. (2010) Paradigm 4 «K» in the Research of Social Support Networks. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 40–50. (In Russ.)
- Stegbauer C. (2002) *Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag. (In Germ.)

Received: 10.09.18. Final version: 03.12.18. Accepted: 14.12.18.